

ПОДОБИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТЕЙ КАК ИСХОДНЫЙ ТЕЗИС ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Любая эпистемологическая теория должна решать внутри себя проблему соотношения сознания и объективной реальности. Другими словами теория, лишь обнаружив решение вопроса «Почему наше сознание способно постигать мир?» может переходить к ответу на вопрос «Как наше сознание постигает мир?». Но ситуация такова, что оба вопроса создают одно проблемное поле, и часто ответ на вопрос «как» определяет ответ на вопрос «почему». Тем не менее, проведя принудительную редукцию, нетрудно выявить, что разнообразие интерпретаций, раскрывающих вопрос «как», сходится к одному положению, являющимся ответом на «почему». Это положение в общем виде можно выразить следующим тезисом: *мы способны постигать мир в силу подобия объективного внешнего мира и той субъективной картины мира, которая является результатом работы нашего сознания*. Ключевое слово «подобие» с одной стороны ограничивает произвольность интерпретаций, с другой — задает область конструирования этих интерпретаций. Понятие «подобие» приобретает конкретное содержание в процессе ответа на вопрос «как». В представлении и развитии этого тезиса я выделил два основных направления, различающихся по способу познания объективного мира. Условно я их обозначил как аподиктическое и конструктивистское. Термин «аподиктическое» в логике означает безусловное, логически необходимое. Концепции аподиктического направления пытаются, прежде всего, обосновать именно безусловность, абсолютную несомненность в отношении мышления к реальности. Эта безусловность с точки зрения логики имеет вид тавтологии; реальность и мышление либо отождествляются, либо представляются изоморфными. В целом, концепции аподиктического направления видят своей задачей преодоление дуализма мышления и бытия, конституируя за дуализмом производность, вторичность по отношению к неразделенности, единству, которые является изначальным состоянием мышления и бытия. Через это преодоление становится возможным избегать противоречий в познании разумом объективной реальности. На деле же преодоление выражается стремлением обосновать *несомненность подобности* сознания и реальности.

К конструктивистскому направлению я отношу те когнитивные теории, которые сохранили положение о существовании объективной реальности и провели разграничение между ней и ее отражением в сознании. Концепции конструктивистского направления сохраняют дуализм и выстраиваются исходя из субъективных данностей, которым в процессе развития придается объективный характер. Главное отличие конструктивистского направления от аподиктического в том, что в нем сохраняется критическое отношение к способности сознания достоверно отражать объективную реальность и упор делается на конструктивно-преобразующую роль мышления в ментальной картине мира. Но и конструктивизм становится возможным лишь при опоре на предположение о некотором подобии в организации мышления и объективной реальности, ибо без такого допущения конструктивная способность мышления становится неверифицируемой догадкой.

Нужно упомянуть также, что существуют альтернативные онтологические системы, отвергающие тезис подобия. Такие системы я отношу к направлению, названному мною нигилистским. Эти системы обычно сводятся к аргументации в духе солипсизма, либо радикального скептицизма. Подобные системы Поппер называл «железобетонными», ибо они неуязвимы для критики, т. к. заключают в себе условия, позволяющие объяснить любые противоречия. Все что мы можем противопоставить таким системам — это наш здравый смысл, который сам по себе, в силу своего аксиоматического характера, также весьма сомнителен. Но целью данного исследования не является низвержение принципа подобия. Я принимаю его, как основу эпистемологии, и понимаю, что без такого допущения здравая, научная эпистемология, по-видимому, невозможна. В силу моей исходной позиции я не буду специально рассматривать нигилистское направление, так как поводов для сомнения в правомерности тезиса о подобии будет и так достаточно, я же вижу своей задачей его защиту, а не опровержение.

Для того чтобы не возникало недоразумений и двусмысленности я должен определить и разграничить некоторые термины. Прежде всего скажем о «паттерне». *Паттерн* — это абстрактное описание связей между частями системы и способа их действия без описания самих частей, другими словами паттерн является описанием функциональной организации системы. Структура — основывается на своем паттерне организации, плюс описывает структурные части, между которыми в паттерне определены отношения. Актуализированная структура, представленная как процесс, дает нам интерпретацию. Так, скажем, музыкальная партитура задает

паттерн организации музыкального произведения, а то, на каком инструменте оно будет реализовываться — фортепьяно, скрипка или гитара — дает нам структуру. Сам же процесс воспроизведения музыкального произведения, со всеми присущими этому процессу эмоциями, технической виртуозностью, либо же наоборот техническими погрешностями, представляет собой интерпретацию.

АПОДИКТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Думаю, не будет удивительным, если концептуальный анализ я начну с эпистемологии Платона. Эпистемологию Платона можно изобразить следующим образом. Платон разделял мир вещей и мир идей, где мир вещей являлся несовершенным подобием мира идей. Наше тело, принадлежа миру вещей, включает в себе идеальную сущность — душу. Душа — обительница мира идей, но, принадлежа телу, и посредством этого приобщаясь к миру вещей, она не осознает своей идеальной природы. Познание, по Платону, сводится к «припоминанию» душой своей идеальной сущности и того знания, которое ей было доступно в мире идей. Собственно, вся эпистемология Платона, так или иначе, обыгрывает проблему обоснования подобности этих двух миров — мира идей и мира вещей. Хотя сам Платон порой затрудняется в ответе на вопрос, в чем проявляется это подобие, и даже отказывает в состоятельности понятия «подобие» передать смысл отношения идеи и вещи [1], тем не менее, Платон продолжает поиск связи между идеей и вещью. Так, далее Платон, рассуждая о познаваемости идей, указывает на то обстоятельство, что они познаваемы постольку, поскольку соотносятся друг с другом. Сущность вещей также дается через отношение одной к другой. В контексте данного исследования постоянство отношений — это определение паттерна, следовательно, искомая связь — это подобие паттернов. Затруднение возникает в том, что мир идей у Платона объективен, и познание направлено именно на мир идей, а не на мир вещей. Здесь происходит переворот: у нас есть как данность чувственный мир вещей, мы же пытаемся вырваться из обманчивых вещных представлений и устремляемся к умозрительному миру идей. Душа является посредником между миром идей и миром вещей, более того, она сама является идеальной сущностью — «эйдосом» — приобщенной к центральному эйдосу Платоновой системы — эйдосу блага, который и является «причиной знания и познаваемости истины» [2]. Душа способна познавать идеальный мир непосредственно, потому что сама является идеей и соотносится с другими идеями. И если мы проявим некоторую смелость и из объективно-идеалистичес-

кой концепции Платона вычленим субъективную составляющую — душу, — то обнаружим, что именно она является связующим звеном между миром идей и миром вещей, и именно посредством души возможно установить подобие паттернов этих миров. Интересно, что впоследствии дуалист Р. Декарт, отделив субстанцию мышления от субстанции протяженности, также пытался сохранить связь между ними и даже указывал точное месторасположение этой связи — в шишковидной железе. Но не этот момент был подхвачен аподиктически настроенными философами, а факт самоочевидности, с которой душа познает идеальный мир.

Платонов дуализм находит свое развитие в картезианском проекте познания, начатом Декартом и венчающимся плюрализмом Г. Лейбница. Декарт также занят поиском несомненности и находит ее лишь в себе — это знаменитое «*cogito ergo sum*», т. е. в субъективном осознании очевидности, характеризуемой Декартом как «ясное и отчетливое» восприятие предмета рассмотрения [3]. Дальнейший же поиск несомненностей только обнажает различие между субъективным и объективным. Тем не менее, Декарт решил проблему познания вещей в прямом смысле с «божьей помощью». Обосновав необходимость существования Бога, ответственность за подобие мира умозрительного и вещного возлагалась Декартом на Бога, который в силу своей благодати не стал бы вводить Декарта и остальных людей в заблуждение. Последователь Декарта, философ А. Гейлинкс, пошел дальше и представил параллелизм миров духовного и материального на примере схемы двух независимых и не взаимодействующих синхронно идущих часов, некогда заведенных Богом. Лейбниц показал, что и это не предел, что таких часов может быть сколько угодно много. Лейбницевская монада замкнута в себе и не подвержена внешнему воздействию. Синхронность, производящая впечатление множества различных взаимодействий, обусловлена принципом предустановленной гармонии, который стал связкой между отдельной монадой и всем остальным миром.

Для идеализма вообще характерно абсолютизирование тезиса о подобии. Поппер в этом отношении верно заметил: «Такой ответ «сознание способно постигать мир, потому что мир, *как он является нам*, подобен сознанию», основан на идеалистическом аргументе; ведь идеализм только и утверждает, что мир имеет что-то общее с сознанием» [4]. Классики идеализма Дж. Беркли, Г. Фихте и Г. Гегель настолько были убеждены в этом подобии, что стали отождествлять объективную реальность и сознание. Беркли отказался от материи и представил мир как взаимодействие дея-

тельных познающих душ и пассивных идей, являющимися аналогами вещей. Фихте утверждал, что сознание, являясь субъектом познания, само же и создает материал для познания, что сознание творит мир. Гегель в противоположность Фихте хотел внести в познание объективность. Для этого ему понадобилось отождествить сознание и мир. В таком случае вопрос о том, как, на каких основаниях мы познаем мир, вообще оказывается снятым. Проблемы нет, ведь познавая мир, сознание познает само себя. Эпистемология представляет собой анализ развития разума на пути осознания самого себя.

Традиционно идеализму противопоставляется материализм. В отношении познания материализм как идеализм ищет несомненности оснований нашего познания. Но находит их, естественно, в рамках собственной парадигмы. Отказывая духовности в субстанциональном статусе, мышление фундируется как модус материального бытия. Сознание становится однородным с образующей субстанцией вещного мира, и через нее с самими вещами. Идеализм в своем обосновании добивается тождественности сознания и объективной реальности, материализм же приходит к их изоморфизму. Яркий пример такой философии — учение о субстанции Спинозы. Спиноза определяет мышление и протяженность не как две субстанции, а как два атрибута, выражающих одну и ту же субстанцию. Ни протяженность, ни мышление не есть самостоятельно существующие объекты. Они суть лишь «стороны», формы проявления, способы существования чего-то третьего — в понимании Спинозы — реальной бесконечной природы. «Согласно точке зрения Спинозы, мышление не есть особая пространственная структура. Так же мало оно есть структура непротяженная. Это есть способ действий, способ функционирования пространственно организованной структуры... Именно поэтому между «мышлением» и «телом» нет и не может быть причинного отношения, отношения причины и следствия. Не может его быть потому, что это не две разные, самостоятельно существующие вещи, а «одна и та же вещь», только «выраженная двумя способами» или рассматриваемая в двух разных аспектах. Между мыслящим телом и мышлением существует не отношение причины и следствия, а отношение органа к функции, к способу его действий» [5]. В таком понимании субъективный мир представлений является объективной и необходимой реализацией, лежащей в основе всего объективной реальности. Поиск несомненности приводит к детерминизму, что, в общем, закономерно.

Картезианское противостояние еще более обостряется после дотошных исследований И. Канта. Кант первым из философов наиболее последовательно и систематически подошел к разграничению действительности на мир, каким он нам кажется — мир явлений — феноменов, и мир, какой он есть — мир «вещей в себе» — noumenon. И хотя на плодотворной почве его учения выросли такие фундаментальные идеалистические системы как системы Фихте и Гегеля, сам Кант строил свою эпистемологию в конструктивном ключе. Кантовское высказывание «Сознание систематизирует или организует мир» определило основу парадигмы конструктивизма. Сам Кант детально описал, как сознание систематизирует и организует мир представлений посредством «чистых форм чувственности» — пространства и времени, но практически никак не отразил, как образуются сами представления. Об этом он упоминает лишь вскользь: «Итак, мы можем *a priori* созерцать вещи лишь через посредство формы чувственного созерцания, благодаря которой мы можем, однако, познавать и объекты только так, как они могут нам (нашим чувствам) *являться*, а не такими, какими они могут быть сами по себе» [6]. Таким образом, внешние объекты играют роль некоего «спускового крючка» придающего начальный импульс для процесса ментального конструирования, обусловленного нашими врожденными способностями к познанию. Что же на самом деле представляют собой вещи, остается недоступным нашему познанию, которое имеет дело лишь с уровнем представлений. Но даже мир представлений, как изначальное пространство для познания может иметь недоступную для наших познавательных способностей структуру. Решая этот вопрос, Кант приходит к мысли «о согласованности наших познавательных способностей (в том числе и в порождении эмпирических понятий) с членением мира явлений на роды и виды... По отношению к способности суждения, благодаря которой возникают эмпирические понятия, следует допустить, «что природа в ее безграничном многообразии осуществила такое деление его (мира явлений) на роды и виды, которое позволяет нашей способности суждения обнаружить полное согласие при сравнении природных форм» [7]. И хотя Кант старательно уходил от рассмотрения мира вещей, постулировав за вещь-в-себе ее принципиальную непознаваемость, тем не менее, недосказанности в этом вопросе оставляют немного пространства для разгула мысли, и вывод о некоторой схожести мира представлений и мира вещей напрашивается сам собой.

Очерченный Кантом мир вещей-в-себе и сокрушительная критика Д. Юмом индукции и причинно-следственной связи оказались непреодолимым препятствием для рационалистической эпистемологии, опирающейся на эмпирический опыт. Б. Рассел, размышляя о человеческом познании, высказывался следующим образом: «Нашу веру в то, что большинство наших ощущений имеет физические причины, укрепляет главным образом, с одной стороны, квазиобщественный характер многих ощущений, а с другой стороны, то соображение, что если допустить их самопроизвольное возникновение, то они становятся в высшей степени страшными и необъяснимыми» [8]. Действительно, как возможно сослаться на опыт, не веря в адекватность полученных в опыте впечатлений? В этом и сильная сторона эмпиризма и в тоже время его недостаток. Недостоверность чувственных данных, которая все отчетливее проявлялась с развитием науки, позволила идеализму провести довольно убедительную и последовательную критику эмпиризма. Но в основе науки, сделавшей возможной такую критику, лежит теория познания эмпиризма. Обосновывая подобность объективной реальности и субъективной, эмпирики апеллируют к «здравому смыслу», подсказывающего нам, что вероятность того, что дело обстоит иначе, слишком мала. Существуют идеальные объекты, которые оказывают определенное идеальное воздействие с постоянством, которое убеждает нас в наличии причинно-следственной связи. Аналогичные отношения мы можем наблюдать при воздействии на сознание объектов, в идеальной природе которых мы не уверены. Так мы делаем выводы о наличии закономерностей вне нашего сознания. Мы не можем быть уверены в достоверности наших выводов, но мы их принимаем до тех пор пока не найдем опровержения. В случае опровержения мы ищем новые объяснительные возможности, универсализируя уже познанные закономерности, либо выявляя новые.

Физическая постановка вопроса о познавательных возможностях человека известна как антропный принцип. Известный физик Стивен Хокинг характеризует его так: «Почему Вселенная такая, какой мы ее видим? Если бы Вселенная была другой, здесь не было бы нас» [9]. Физика уходит от прямого ответа на вопрос и перекладывает всю ответственность на природу. Действительно, было бы странным, если бы в лоне природы, как изначальной структуры, возникла бы структура, не имеющая ни аналогов, ни частичного сходства с уже существующими структурами и не состоящая из уже существующих каких-либо структурных единиц. Но такой ответ при всех своих объяснительных достоинствах немногим от-

личается от тавтологичного предложения: «Мы здесь, потому что мы здесь». Собственно, это уже знакомый изоморфизм характерный для описанного выше материалистического подхода Спинозы. Естественно, такая точка зрения оправдана только при условии, что нет никаких сомнений в существовании внешней по отношению к сознанию реальности. Физика в этом не сомневается.

Современный конструктивизм представляет собой интересный синтез идей Канта с идеями его последователей и оппонентов. Очень обобщенно, абстрагируясь от конкретных моментов, по которым возможны принципиальные споры, конструктивизм можно охарактеризовать следующим образом. Человек имеет некоторые врожденные предрасположения, которые в основе своей есть лишь способность к усваиванию полученных чувственно впечатлений, декодированию в сущности, которыми способно оперировать сознание. Это не какие-то конкретно описанные директивы к действию, но паттерн организации, включающий в себя способность к познанию. Эти предрасположения либо оказываются достаточными для ассимиляции входящего потока информации, либо в противном случае происходит аккомодация¹ — модификация исходного паттерна, которая должна привести к расширению познавательных возможностей без потери уже имеющихся возможностей. Принципы, лежащие в основе аккомодации, выдвигаются различные. Ж. Пиаже развивает концепцию равновесия, подразумевающую элиминацию (компенсацию) возмущений. В таком случае, когнитивное развитие трактуется как расширение равновесия, т. е. увеличение амплитуды отклонения, с которой может справиться организм. В теории Сантьяго Матураны и Вареллы выдвигается схожая с равновесной концепцией Пиаже концепция аутопоэза. Аутопоэз описывается как организационный паттерном, имеющий два обязательных свойства: 1) организационная замкнутость, позволяющая выделить эту организацию как целостность; 2) рекурсивность, т. е. специфицирующие паттерн компоненты, функционируют таким образом, что результатом является производящий их паттерн. Познание является деятельностью направленной на расширение области взаимодействий, в которой остается возможным поддержание аутопоэза. В эволюционной эпистемологии Поппера в качестве принципа, лежащего в основе аккомодации, выдвигается концепция, схожая с дарвиновским естественным отбором.

Паттерн организации, какие бы модификации он не претерпевал, предполагает поиск и выборку из информационного хаоса, в который погружен окружающий мир, локальных областей, организованных так, что информация, содержащаяся в этой локальной об-

ласти, может быть усвоена. Эту ситуацию образно охарактеризовал Шерлок Холмс в своем известном пассаже, где он сравнивает человеческий мозг с пустым чердаком, который можно заполнить всякой пенужной рухлядью (вроде знаний о том, что Земля вращается вокруг Солнца), а можно отобрать лишь то, что жизненно важно и содержать это в образцовом порядке [10]. Таким образом, разум, организуя и систематизируя себя, конструирует картину мира, используя собственные сущности, которые в свою очередь, как минимум частично, являются результатом приспособления к проявлениям внешней реальности.

Квантовая физика столкнулась с проявлением конструктивизма, когда в исследованиях над элементарными частицами стали предприниматься попытки предсказания их поведения. В результате В. Гейзенбергом был сформулирован известный принцип неопределенности, устанавливающий невозможность одновременного точного определения скорости частицы и ее местоположения. Конструктивизм здесь проявляется следующим образом: при любом измерении по необходимости используется свет; в свою очередь, световые частицы вносят дополнительное возмущение в поведение измеряемой элементарной частицы таким образом, что чем точнее мы измеряем местоположение частицы, тем более короткими должны быть длины световых волн, и, следовательно, тем больше будет энергия одного кванта, что влечет за собой еще большее возмущение скорости частицы. Другими словами, чем точнее мы измеряем местоположение частицы, тем неопределеннее становятся измерения ее скорости, и наоборот [9]. Сам факт целенаправленного наблюдения за миром уже изменяет мир.

Итак, вычленив общее ядро рассмотренных направлений эпистемологии можно внести уточнение в тезис, заявленный в начале. Понятие «подобие» оказывается инвариантным, если оно трактуется как подобие паттернов организации. Тогда уточненная формулировка исходного тезиса будет следующей: *мы способны постигать мир в силу подобия паттернов организации объективного внешнего мира и той субъективной картины мира, которая является результатом работы нашего сознания.*

1. Платон. Парменид. М., 1999.
2. Платон. Государство. М., 2003.
3. Декарт Р. Размышления о первой философии // Собр. соч. М., 1989. Т. 2.
4. Поппер К. Что такое диалектика? // Вopr. философии. № 1. 1995.
5. Ильенков Э. В. Диалектика — теория познания: Историко-философские очерки. М., 1964. С. 21–54.

6. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Собр. соч. М., 1965. Т. 4.
7. Кричевец А. Н. Кантовский априоризм и компьютерные модели. РГНФ, Грант №97-03-04183.
8. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 2000.
9. Хокинг С. Краткая история времени. От Большого взрыва до черных дыр. СПб., 2000.
10. Дойль Артур Конан. Этюд в багровых тонах // Собр. соч. М., 1991. Т. 1.

С. Н. Амельченко
г. Магнитогорск

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЗНАНИЯ ДОЛЖНОГО БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ

Понятия «культура» и «познание» коррелятивны и соотносительны, благодаря аксиологической сущности каждого из них. Процессы познания направляются ценностными ориентациями, складывающимися в мировоззрении субъекта культуры, избирающего должные цели и способы освоения действительности, формирования знания о ней. Возникающие при этом образцы народной мудрости, а затем и научные системы, разрабатывающие теоретические и практические методы достижения истины, обладают высочайшей ценностью, так как позволяют людям адекватно ориентироваться в мире и соответственно реализовать свой деятельностный потенциал.

Познание является важнейшей составляющей культуры, посредством которой человечество осознает и раскрывает свои способности, исследует окружающий мир и формирует в нем свое бытие. В работе «Культура как плодотворное существование» И. Я. Лойфман утверждал: «Как всеобщая, универсальная форма реализации сущностных сил человека, воспроизводства и обновления человеческого бытия культура пропизывает собой все области человеческой деятельности» [1, 51]. В постоянно меняющихся условиях существования (а бесконечное движение, результатом которого является изменчивость, один из атрибутов окружающего мира) любая человеческая деятельность становится познавательной, независимо от того, облечена она в научные или вненаучные формы.

Способы человеческого восприятия, отражения и преобразования действительности очень разнообразны, что обуславливает сложность культурного пространства. Познание включается в структу-